

Он стоял у края относительно свободного прохода, прислонившись к холодной стене, и слегка ослабил воротник.

Стопка резюме в его руках казалась тяжелее пуда.

Он смотрел на нескончаемый поток людей, на живые эмоции, сменявшиеся на их юных или зрелых лицах, и впервые так отчетливо осознал, насколько сильно он оторван от этого нормального общества.

Десять лет молодости, пропитанных потом и кровью, подарили ему мастерство и славу, но лишили способности приспособиться к обычной жизни.

Он больше не был тем юным Шэнь Ле, который только что окончил школу и видел перед собой бесконечные возможности.

Теперь он — бывший офицер спецназа Шэнь Ле, чужак с блестящим прошлым, не имеющий ни малейшего понятия, как писать свое будущее.

Телефон в кармане завибрировал.

Он достал его. Это было сообщение от Ли Яня: фотография, сделанная, судя по всему, на ходу в перерыве между парами — вид из окна, залитого ярким солнцем. Подпись гласила:

— Сегодня отличная погода. Шэнь, как проходит ярмарка вакансий?

Шэнь Ле посмотрел на сообщение. Ли Янь знал, что он идет на ярмарку — Шэнь Ле вскользь упомянул об этом во время утренней пробежки пару дней назад. Этот юноша всегда с поразительной точностью улавливал малейшие перемены в его жизни.

Он не стал отвечать, погасил экран и сунул телефон обратно в карман.

Шум ярмарки вакансий накатывал и отступал, словно прилив. Он поправил пиджак, выпрямил спину и снова влился в толпу, направляясь к следующему стенду, где шансы на успех были столь же призрачны.

Его фигура по-прежнему оставалась высокой и статной, словно утес посреди бушующего людского моря. Но лишь он сам знал, что море его будущего сейчас медленно поглощается густым туманом растерянности.

Эта ярмарка была не столько поиском возможностей, сколько жестоким подтверждением того, что его броня, которой он когда-то так гордился, на мирном поприще превратилась в тяжелое бремя, которому здесь не нашлось места.

Послеполуденное солнце косыми лучами пробивалось сквозь стеклянный фасад выставочного центра, отбрасывая на пол длинные искаженные тени.

Поток людей не редел, гул голосов накатывал волнами, подобно нескончаемому прибою. Шэнь Ле уже сбился со счета, сколько стендов обошел, сколько резюме раздал, сколько раз повторил одно и то же самопредставление и сколько раз услышал вежливые отказы.

Та слабая надежда, что личная встреча может что-то изменить, давно испарилась под градом корректных, но твердых отказов. На смену ей пришла усталость, пропитавшая до самых костей, и тяжелое, почти подавляющее чувство бессилия.

Резюме в руках почти не осталось. Кончики пальцев, сжимавшие края бумаги, побелели от напряжения.

Он стоял в укромном углу прохода, где было меньше людей и воздух казался чище. Прислонившись спиной к холодной противопожарной двери, он закрыл глаза, пытаясь отгородиться от назойливого гула. Но звуки проникали повсюду:

— У вас есть опыт работы с подобными проектами? Если нет, то мы, вероятно...

— Нам нужен специалист с сертификатом. У вас есть допуск такой-то категории?

— Опыт управления командой? Мы имеем в виду опыт в IT-продуктах, а ваш опыт...

— Мы восхищены вашим послужным списком, но он действительно не совсем соответствует нашим текущим требованиям...

Каждая фраза была, словно маленький молоточек, по его гордости и уверенности в себе, выкованным за десять лет службы. Сначала это вызывало лишь легкую дрожь, но к настоящему моменту внутри уже наметились трещины.

В армии он был острием клинка Драконьего клыка, бойцом, внушавшим страх врагам, надежнейшим оплотом для товарищей. Он мастерски владел любым оружием, выживал в экстремальных условиях и вел отряд на выполнение задач, казавшихся невозможными. Его приказы были четкими, суждения — точными и решительными, а само его присутствие служило гарантией успеха. Он был нужен, на него полагались, его ценность была очевидна и измерялась успешно выполненными заданиями, мастерством и стойкостью солдат, которых он воспитал.

Но здесь, на этой мирной и размеренной земле, в мире коммерческих правил, профессионального жаргона и узкоспециализированных требований, всё то, чем он так гордился, казалось ненужным украшением или даже помехой.

Обладая навыками убийцы и богатым боевым опытом, где он мог бы найти себе применение?

Этот вопрос крутился в голове, словно заклинание. Он ощущал абсурдность происходящего. Он был подобен высокоточному оружию, созданному для особых войн, которое принесли на выставку обычных инструментов, где требовались лишь отвертки и гаечные ключи.

Посетители восхищались его конструкцией и мощностью, но качали головой:

— Впечатляет, но нам это не нужно.

Он перестал быть востребованным козырем и превратился в неликвидный товар, у которого нет понятной рыночной этикетки и который не вписывается в стандартный спрос. Это падение с вершины в бездну ранило сильнее любой физической боли.

Он вспомнил HR-менеджера из управляющей компании, встреченную утром. В ее глазах читалось искреннее восхищение, и слова о том, что его путь был непростым, не были пустой вежливостью. Но что с того? Восхищением нельзя оплатить счета и решить проблему будущего. Правила общества холодны и реалистичны: они признают соответствие, а не легенды.

Он вспомнил и другого HR-менеджера из торгового центра, предложившего ему стать обычным охранником. В тот момент он едва сдержал горечь, поднявшуюся в груди. Не потому, что он презирал эту работу, а потому, что осознание такой колоссальной растраты его способностей и обесценивания его личности вызывало внутренний протест и... легкую печаль.

Неужели десять лет закалки были нужны лишь для того, чтобы стоять у дверей, вытянувшись во фронт лучше других?

Телефон снова завибрировал. Он не стал смотреть. Знал — скорее всего, опять Ли Янь. Этот молодой человек всегда умудрялся прислать сообщение именно тогда, когда Шэнь Ле был в самом подавленном состоянии. Раньше такая прозорливость его настораживала, а теперь вызывала лишь глубокую усталость. У него не осталось сил даже на то, чтобы справляться с этой настойчивой заботой.

Он открыл глаза и рассеянно обвел взглядом толпу. Молодые и пожилые соискатели — у каждого свое выражение лица. Кто-то возбужденно обменивается контактами с HR, кто-то хмуро изучает требования, кто-то растерянно озирается или выглядит подавленным. Все они пытались найти свое место в установленных правилах игры, и, независимо от успеха, понимали, что это за игра.

А он, Шэнь Ле, был словно игрок, внезапно брошенный в чуждую партию. В его руках были мощные, но нестандартные фигуры, и он не понимал, куда их ставить и как ходить.

Одиночество и отчужденность накрыли его с головой. Этот праздник жизни был не для него. Он чувствовал себя призраком, наблюдающим за миром, в который должен был влиться, но в который никак не мог вписаться.

Наконец он глубоко вздохнул и выпрямился. В его осанке по-прежнему чувствовалась военная выправка, но та уверенность и острота, что раньше исходили изнутри, казались припорошенными толстым слоем пыли.

Он поправил пиджак, помявшийся от долгого стояния, убрал оставшиеся резюме в папку и больше не пошел ни к одному стенду. Развернувшись, он пошел против людского потока к выходу. Шаги оставались твердыми, спина — прямой, но он знал: с каждым шагом внутри него что-то рушится.

Солнечный свет за пределами центра резал глаза. Осенний ветер принес прохладу, но не смог разогнать туман в душе. Стоя на ступенях, он оглянулся на огромное здание, продолжавшее поглощать и извергать толпы людей. Внутри были надежда и возможности — то, что для многих было смыслом борьбы. И то, что сегодня для него стало непреодолимым барьером.

Мастерство есть, а места для него нет.

Это осознание, словно тяжелый свинец, тянуло его на дно. Он не из тех, кто легко сдается, но железная стена реальности оказалась прочнее и холоднее, чем он мог себе представить.

Вместе с вечерним потоком людей Шэнь Ле спустился в метро. Станция сияла огнями, воздух был пропитан смесью запахов. Он приложил телефон к турникету. Его высокая фигура выделялась в толпе, но сам он хранил молчание.

Он предпочел встать в углу у перехода между вагонами, прислонившись к металлической панели, и слегка покачивался в такт движению поезда. За окном мелькали освещенные стены тоннеля, изредка ослепляя встречными составами. Вагон был набит битком: молодежь в наушниках, уставшие офисные работники, школьники, обсуждающие игры. Этот шум, мерцающие экраны и теснота составляли обычную картину городского метро.

Шэнь Ле же чувствовал себя так, будто его поместили под прозрачный купол, отделяющий от всего остального. Он смотрел на свое размытое отражение в стекле: строгий костюм, плотно сжатые губы, глубокие, но пустые глаза. Этот образ накладывался на того юношу, что десять лет назад ездил в школу на метро, полный смутных мечтаний о будущем, но они были совершенно разными. Тогдашняя растерянность была лишь сложностью выбора из множества путей. Нынешняя же — паникой от потери всякого якоря.

За десять лет линии метро выросли, поезда стали быстрее, станции — ярче, способы оплаты сменились с карт на телефоны. Он словно пропустил весь ход развития города, застыв в координатах, не соответствующих эпохе.

Его боевой опыт в этом подземном стальном драконе, среди людей, бегущих за повседневными заботами, казался неуместным и нелепым. Его полем боя были джунгли, пустыни, небо и море, а здесь требовались навыки программирования, техники продаж, отчетность или педагогический опыт... Или просто пропуск с печатью о стаже.

Поезд затормозил, люди хлынули наружу. Его толкнули, и он машинально прижал к груди папку с никому не нужными резюме. Этот жест привлек внимание стоявших рядом девушек: они задержали взгляд на его атлетичном телосложении и мужественном лице, а затем смущенно отвели глаза. Раньше это заставило бы его нахмуриться, но сейчас у него не было сил даже на это. Взгляды других — будь то восхищение или любопытство — не могли коснуться его внутреннего мира.

Он был лишь заблудившимся путником, не способным уловить ритм пульса этого города.

Неоновые огни проецировали на его лицо причудливые тени. Контуры небоскребов проступали в ночи — роскошные и равнодушные. Город был огромен и полон возможностей, но, казалось, в нем не было ни дюйма земли, способного принять его — отставного офицера, снявшего форму, но не сумевшего стереть с себя клеймо войны.

Потерянность, подобно беззвучному ветру в тоннеле, пронзила его насквозь. Впервые он так ясно осознал: снять форму — это не просто смена статуса. Это значит полностью разрушить себя и собрать заново, чтобы хоть как-то вписаться в шестеренки мирного времени. И этот процесс оказался мучительнее любого сурового обучения.

Гордость элитного бойца впервые спасовала перед медными стенами реальности. А поезд, увозивший его домой, с грохотом неся в густую ночь, словно увлекая его в еще более неопределенное будущее.

Вернувшись домой, он сбросил тесный костюм, словно тяжелую скорлупу. Шэнь Ле вошел в ванную и открыл кран. Холодная вода заставила кожу сжаться, но он быстро привык и переключил на теплую. Пар заполнил помещение, затуманив зеркало.

Горячие струи стекали по плечам, смывая липкий пот после утренней пробежки и пыль ярмарки, но не могли смыть тяжесть с души. Вода текла по его широкой, как дверной проем, спине, по рельефным мышцам, подчеркивая их первобытную мощь. Капли скатывались по груди, по кубикам пресса, каждый из которых вздымался при дыхании, скрывая в себе взрывную силу.

Это тело когда-то было его главным капиталом, шедевром, созданным предельными нагрузками и реальными боями. Оно могло совершать рывки невероятной мощи и выдерживать долгие изнурительные походы. Он преодолевал с ним скалы и ледяные реки, нес на себе грузы, прикрывал товарищей в перестрелках.

Но сейчас, стоя под привычным душем, Шэнь Ле ощущал лишь пустоту. Сила его тела перед лицом холодных стандартов вроде трехлетнего стажа или отраслевых допусков теряла всякий смысл. Оно не могло заполнить анкету, а его ловкость не заменяла бумажку с сертификатом.

Он с силой потер лицо, стирая воду и пытаясь стереть серую пелену с души. Но под пальцами ощущалась лишь твердая линия челюсти да глаза, полные усталости и растерянности в тени надбровных дуг. Он даже не заметил, как плотно сжатые губы выдали его состояние.

На ужин мать, Ван Гуйлань, оставила еду, которая еще дымилась на столе. Родители смотрели телевизор. Увидев его, мать тут же засуетилась, а отец оторвался от новостей и с беспокойством посмотрел на сына. Шэнь Ле постарался придать лицу спокойное выражение и коротко бросил:

— Всё нормально, еще посмотрю варианты.

Он уткнулся в тарелку, не желая продолжать разговор. Родители обменялись встревоженными взглядами, но расспрашивать не стали, лишь мать положила ему в миску еще кусок мяса. Он механически жевал, не чувствуя вкуса. Напряженные бицепсы при каждом движении руки выпирали под кожей, лишь напоминая об абсурдном несоответствии его сил и запросов реальности.

После ужина он закрылся в своей комнате. Было тихо, лишь снаружи доносились приглушенные звуки ночного города. Он не стал включать свет, долго сидел за столом, глядя на огни вдали. Гул ярмарки, лица HR-менеджеров, давка в метро — всё это прокручивалось в голове, как слайд-шоу. Чувство отчужденности не таяло, а становилось острее в этой тишине.

Мастерство есть, а места для него нет.

Эта мысль пустила корни и заполнила собой всё сознание. И когда он был готов окончательно утонуть в этом бессилии, экран телефона на столе вспыхнул — холодный синий свет показался ослепительным в темноте. Раздался звонкий сигнал.

Шэнь Ле не сразу посмотрел на него. Он оцепенело подумал, что это снова Ли Янь с какой-нибудь ерундой: небо, облака, уголок кампуса или бессмысленный вопрос. В другое время он бы мельком глянул или ответил коротким «угу», но сейчас у него даже не было желания пошевелить пальцем. Эти осколки чужой, беззаботной жизни лишь подчеркивали его собственную никчемность.

Однако телефон завибрировал еще несколько раз — коротко и часто. Это был не ритм случайного фото. Шэнь Ле наконец взял аппарат. Разблокировал экран. На иконке мессенджера горела цифра три.

Он открыл переписку. Это был Ли Янь. Но привычных пейзажей или приветствий не было. Перед глазами предстали три ссылки на вакансии. Никаких вступлений, никаких смайликов, никаких лишних слов.

Первая ссылка: Хоцзин, группа компаний Хокэ (входит в список 500 крупнейших в мире), срочно требуется помощник директора по безопасности (преимущество — опыт службы в армии).

Вторая: Высокооплачиваемая вакансия, военный инструктор по физической подготовке в элитном центре экстремальной подготовки.

Третья: Международная охранная компания Щит, требуется консультант по специальным операциям (обязателен боевой опыт и выдающиеся лидерские качества).

Под каждой ссылкой Ли Янь приложил краткое пояснение:

К первой: Эта группа компаний крупная, бизнес стабильный, есть четкая политика поддержки ветеранов. Позиция помощника директора — хороший старт, можно выйти на управленческий уровень.

Ко второму: Этот центр работает в премиум-сегменте, клиенты специфические, очень высокие требования к военной подготовке и физической форме. Условия и перспективы роста должны быть отличными.

К третьему: Щит имеет отличную репутацию на международном уровне. Позиция консультанта по спец-операциям звучит серьезно, требования к опыту и лидерству, кажется, лучше всего подходят под ваш бэкграунд.

В конце — итоговая фраза, спокойным тоном, без намека на ожидание благодарности или навязчивость, будто он просто переслал полезную информацию:

— Шэнь, случайно наткнулся на эти вакансии, мне показалось, они хорошо подходят вашему опыту. Просто для информации.

Шэнь Ле смотрел на экран, не двигаясь. Сначала — изумление. Откуда он знает, что я ищу работу? И почему так... детально?

Этот вопрос возник мгновенно. И тут же он вспомнил утренние пробежки и то, как Ли Янь в последнее время проявлял свое вездесущее, но всегда своевременное внимание. И случайные вопросы в мессенджере: «У вас сегодня есть планы?»

<http://bllate.org/book/18738/1811990>